

В ту ночь А-Эра, от чьей головы осталась лишь половина, видели только Сабору Годзё и те разбойники.

Сабору Годзё рисовал его — этот парень действительно умел всё на свете. Сейчас те наброски хранились в старом поместье Годзё. Но Сабору ни за что не стал бы изображать то, что могло навлечь на А-Эра беду, попади оно в чужие руки.

Да и припрятал Сабору свои рисунки на совесть — А-Эр разузнал о них лишь от одного из его перерождений. Тот преемник «Шести глаз», показав старые свитки, жутко приревновал, надулся и упрямо потребовал, чтобы А-Эр немедленно стал его натурщиком. Он заставил его стоять смирно и сделал больше десятка набросков, прежде чем соизволил отпустить.

Даже перед смертью тот Сабору Годзё всё ворчал, гадая, какому по счету его воплощению посчастливится отыскать эти портреты. И самодовольно хвастался: «Зато я нарисовал куда больше, чем тот, первый, ха-ха!»

Соперничать с собственным прошлым воплощением на пороге смерти... А-Эр тогда право не знал, плакать ему или смеяться.

Что тут скажешь — ни один Сабору Годзё не умел уходить из жизни тихо и мирно. Каждому непременно нужно было оставить напоследок какой-нибудь «сюрприз».

Впрочем, он отвлекся. Если не считать Сабору Годзё, оставались лишь те разбойники, что когда-то снесли ему половину черепа. Возможно, среди них затесался умелец, который позже и запечатлел А-Эра на стене святилища.

За прошедшую тысячу лет воспоминания подернулись дымкой, и А-Эр уже смутно помнил подробности того дня. В памяти всплывали лишь обрывки: он отправился на охоту за проклятым духом и спас от верной гибели кучку бродяг. Но стоило ему повернуться спиной, как эти оборванцы — оказавшиеся переодетыми разбойниками — позарившись на его роскошное парчовое одеяние, нанесли подлый удар, срубив половину головы.

Тогда он, растерянный и глубоко озадаченный, всё же сохранил вежливую улыбку и медленно развернулся к нападавшим. Жадность на лицах разбойников мгновенно сменилась мертвенной бледностью, уступив место дикому, истошному ужасу.

Кое-кто от страха обмочился, по лесной поляне разнесся едкий запах, но смеяться было некому — нападавшие обезумели от ужаса. Спотыкаясь и толкая друг друга, они в панике бросились наутёк.

Сам он тогда тоже пребывал в оцепенении, а потому преследовать их не стал — просто растерянно побрёл обратно к Сабору Годзё. На следующий день он попытался разыскать шайку, но те словно сквозь землю провалились. А-Эр лишь передал их приметы старосте, попросив поймать разбойников, пока они не успели погубить кого-то ещё.

Кто бы мог подумать, что они укрылись на этом богом забытом острове.

Если сопоставить это с рассказами мальчишек, прояснялись и другие островные табу. Запрет на алкоголь, очевидно, возник из-за того, что в тот злополучный день проводники были пьяны, сбились с пути и наткнулись на проклятого духа. А вороны... Скорее всего, когда А-Эр повернулся к грабителям с развороченным черепом и кроткой улыбкой, над поляной как раз с карканьем пролетала стая чёрных птиц.

А то, что в нынешнем поколении на всём острове осталось лишь двое детей — Рэнъя и Сиро Куросава, — А-Эр списывал на последствия многолетнего кровосмешения.

Поначалу, когда беглецы только обосновались здесь, всё шло гладко. Но они веками жили в изоляции, чужаки на остров не заплывали, и из поколения в поколение потомки первых поселенцев женились на собственных кузинах. В конце концов все жители стали друг другу кровной родней. При такой приверженности традициям близкородственных связей рождение здорового ребёнка казалось чудом.

То, что у местных жителей родился такой крепкий и бойкий мальчишка, как Рэнъя, можно было счесть лишь невероятным везением и благословением предков.

Сам А-Эр в святилище не ходил, но ничуть не опасался, что дети узнают его на древнем рисунке. Изображение всегда отличается от живого человека, тем более созданное тысячу лет назад, когда живописцы стремились передать не портретное сходство, а дух образа. Да и сам А-Эр за прошедшие века сильно изменился.

Ребята явно перепугались, разглядывая жуткий рисунок.

— А разве можно жить, если у тебя нет половины головы? — робко спросил один из них. — Это же чудовище какое-то! Или призрак? Скажите, учитель, на свете бывают призраки?

— Ну что вы, откуда? — А-Эр соврал и глазом не моргнул. Впрочем, призраков в этом мире действительно не водилось — существовали лишь проклятия, так что его совесть была чиста.

— Правда-правда?

— Конечно. Разве я когда-нибудь вас обманывал?

Мальчишки облегченно вздохнули и принялись оживленно спорить, откуда в святилище взялась эта жуткая картина и кем был тот черноволосый демон с серебряными глазами, которого повстречали их предки.

Их наивные, полные детской фантазии домыслы вызывали у невольного виновника легенд искреннюю улыбку.

Детские страхи мимолетны. Ещё полчаса назад мальчишки дрожали от испуга, а теперь уже видели в мрачной тайне заманчивое приключение и горели желанием начать расследование.

Те мрачные секреты, которые А-Эр успел разгадать, заставили его усомниться в безопасности этой затеи. Детям следовало беззаботно играть, а не совать нос в зловещие островные табу. Подобный интерес слишком уж напоминал завязку классического японского хоррора.

Решив отвлечь ребят, А-Эр мягко спросил:

— Хотите послушать историю?

Мальчишки с радостным писком бросились к нему в объятия, готовые голосовать за это предложение обеими руками.

— Учитель, о чём сегодня расскажете?

— Опять про то, как герой побеждает злодея?

— Нет, не так! Наверное, про то, как главный злодей в финальной битве внезапно признаётся герою, что они родственники!

А-Эр, который до этого частенько увлекался и пичкал детей излюбленной дешевой драмой, смущённо кашлянул:

— Пожалуй, сегодня мы выберем что-нибудь более спокойное и доброе.

Пора было взять себя в руки и заняться наконец нравственным воспитанием подопечных.

\*\*[Ты, я вижу, всерьёз увлекся ролью няньки]\*\* — съязвила Система, чье присутствие сделалось настолько призрачным, что А-Эр почти позабыл о ней.

«Что поделать, у этого тела слишком сильны родительские инстинкты»

Он искренне желал, чтобы эта мирная жизнь тянулась как можно дольше. Ему хотелось уберечь мальчишек, помочь им благополучно вырасти, покинуть этот клочок суши и исполнить свои мечты в каком-нибудь сверкающем огнями мегаполисе. Пусть даже в конце концов его хрупкая телесная оболочка угаснет и ему придётся проститься с ними навсегда.

Но судьба распорядилась иначе.

Сиро Куросава тяжело заболел. Мальчик угасал прямо на глазах, балансируя на грани жизни и

смерти.

Рэнъя прибежал к А-Эру в слезах, весь дрожа от страха и бессилия. Его распахнутые глаза молили о спасении с той безграничной верой, на которую способны только дети.

С медициной на затерянном острове было туго. Собранные травы не помогали. Рэнъя долго умолял старосту, пока тот не выдал две таблетки, но и они не смогли сбить иссушающий жар. Сиро лежал пластом, едва переводя дыхание.

Местный знахарь, заменявший островитянам врача, пришёл, осмотрел мальчика и лишь безнадежно покачал головой: теперь оставалось только уповать на милость небес.

Услышав это, А-Эр больше не мог бездействовать. Он велел Рэнъя немедленно вести его к другу.

К счастью, на дворе стояла глухая ночь, а островитяне по старинке отходили ко сну с первыми сумерками. Будь иначе, А-Эру с его нынешним истощённым, слабым телом ни за что не удалось бы проскользнуть в деревню незамеченным.

Хижина Сиро примыкала почти вплотную к дому Рэнъя. Чтобы сподручнее было выхаживать больного, Рэнъя перетащил друга к себе и уложил на собственную постель.

Едва переступив порог, А-Эр увидел сереброволосого мальчика, безвольно раскинувшегося на матрасе. Каждое движение давалось Сиро с трудом, сквозь сон он тихо, жалобно стонал от изнуряющей боли.

Почувствовав их появление, Сиро с трудом приоткрыл помутневшие тёмно-зелёные глаза и попытался вымученно улыбнуться.

— Вы... пришли.

Как бы отчаянно он ни силился показать, что всё в порядке, исказившую лицо судорогу и затаившийся во взгляде детский страх скрыть было невозможно.

Сиро был совсем мал. За всю жизнь он ни разу не покидал этот клочок суши, обожал книги и предания, мечтая когда-нибудь вместе с верным Рэнъя увидеть те шумные, сверкающие мегаполисы, что показывали по телевизору. И теперь ему суждено было умереть здесь. Остыть, превратиться в прах, больше никогда не открыть книгу, не услышать сказку, не отправиться с другом и учителем в далекое путешествие. Тьма забирала его навсегда, лишая будущего. Как тут было не поддаться отчаянию?

Но Сиро упорно сдерживал слезы. Этот обделенный вниманием ребёнок давно привык быть незаметным и всегда заботился о чувствах других больше, чем о собственных. Рэнъя и недавно

появившийся в их жизни А-Эр стали для него целым миром, и огорчать их мальчик не хотел больше всего на свете.

Рэнъя продолжал тихо всхлипывать, едва не задыхаясь от рыданий. А-Эр ласково прижал Сиро к себе.

— Не бойся, маленький. Я здесь, ты обязательно поправишься.

Объятия учителя не дарили тепла, от них исходил лишь едва уловимый, кружащий голову аромат березовой коры. Но Сиро, которого за всю его короткую жизнь почти никто никогда не обнимал, ощутил такое глубокое умиротворение, словно укрылся в надежной гавани, способной защитить от любых жизненных бурь.

Дети, конечно, не восприняли его слова буквально, посчитав их обычным утешением.

Объяснять им истинное положение дел А-Эр не стал. Он просто мягко коснулся ладони мальчика и активировал свою проклятую технику, перенося все страдания Сиро на себя.

Физические страдания забрать было легко, но саму инфекцию так просто не уничтожить — организму Сиро всё же предстояло побороться самому. Однако теперь, когда А-Эр непрерывно поглощал его боль и преобразовывал собственную проклятую энергию в чистую жизненную силу, подпитывая угасающее тело, у болезни просто не оставалось шансов.

А-Эр крепко сжал тонкую ладошку мальчика. Одолеваемый усталостью, но наконец успокоенный, Сиро незаметно погрузился в глубокий сон. А-Эр хотел было повернуться к затихшему Рэнъя, но стоило ему на мгновение разжать пальцы, как больной заворочался и зажился во сне. Пришлось вернуть ладонь на место и успокаивать плачущего Рэнъя лишь негромким, ласковым шёпотом.

Рэнъя ни о чём не расспрашивал. Он слишком измучился за эти безумные дни, непрестанно боясь потерять друга. Теперь, когда страшное напряжение спало, мальчик примостился прямо на полу у кровати и мгновенно уснул.

Глядя на спящих ребят, А-Эр ощутил, как к горлу подкатывает комок странной, щемящей нежности.

Прежние его воспитанники — А-Си и Кэндзяку — были далеки от обычных детей. Они отличались богатырским здоровьем и никогда не болели. А хрупкая с виду А-Си во время их жизни в глухой чаще умудрялась разгонять диких медведей одним только грозным взглядом.

Сейчас он понимал, что их лесное трио вообще мало походило на нормальное человеческое семейство. И возможность выходить самых обыкновенных, уязвимых ребят казалась ему удивительным и ценным опытом.

Правда, его теперешнее вместилище и без того едва держалось, а трата проклятой энергии на исцеление лишь ускоряла неминуемый распад. Изначально А-Эр рассчитывал, что этого тела хватит до глубокой старости мальчиков. Теперь же планка опустилась: дай бог дожить до их совершеннолетия. А если грянет новая беда, срок сократится ещё сильнее.

Впрочем, о сожалении не было и речи. Этот сосуд рано или поздно всё равно пришёл бы в негодность.

Он всегда мог создать себе новую оболочку. Вот только новое тело, скорее всего, вернётся к младенческому состоянию, а память и проклятая энергия заблокируются, заставив начинать весь путь с чистого листа.

Чтобы обезопасить себя на время уязвимости, ему придётся отыскать очередное воплощение «Шести глаз». Только рядом с Сабору Годзё он мог рассчитывать на абсолютную защиту.

Самый первый Сабору Годзё всё предусмотрел ещё тысячу лет назад. Он оставил будущим поколениям старинные трактаты собственного сочинения, убедив потомков в нерушимой истине: рядом с каждым обладателем «Шести глаз» непременно должен находиться таинственный союзник, связанный с ним клятвой. И только если этот человек будет оберегаем кланом, Клан Годзё сохранит своё величие.

И ведь не соврал, если вдуматься.

Эх. Как бы то ни было, расставание с мальчишками неизбежно. Его самым глубоким шрамом на сердце за прошедшую тысячу лет оставалось то, что он слишком поспешно покинул когда-то А-Си и Кэндзяку, так и не успев увидеть их взрослыми. И надо же было судьбе снова разыграть ту же карту.

На рассвете Сиро наконец пришёл в себя. Жар спал, оставив после себя лишь сильную слабость во всём теле. Рэнъя тут же подскочил к кровати и, крепко обняв друга, разрыдался:

— Живой! Живой! Как же хорошо, что ты выжил!

Сиро ещё плохо соображал. Он посмотрел на плачущего друга, затем перевёл взгляд на А-Эра, который всю ночь преданно сжимал его ладонь. Крупные слезы беззвучно покатались по бледным щекам мальчика. А-Эр невольно перепугался:

— Что такое? Ещё где-то болит? Где нехорошо?

Но Сиро лишь судорожно всхлипнул:

— Я... я думал, что умру.

А-Эр мягко улыбнулся и погладил его по голове:

— Глупый. Я же обещал, что спасу тебя. Но главный твой спаситель — Рэнъя. Это он притащил тебя к себе, менял тебе мокрую одежду, приносил горячую воду и прикладывал холодные компрессы. Не забудь сказать ему спасибо.

— Да, я знаю... — Сиро шмыгнул носом. — Спасибо тебе, Рэнъя. Спасибо, учитель. Спасибо, что не бросили меня.

Рэнъя смущённо шмыгнул носом и поспешно вытер кулаком слёзы:

— Да ладно тебе глупости говорить. Главное, что ты поправился. Мы ведь обещали друг другу, что уедем отсюда и покорим Токио!

— Точно! Обязательно поедем! — слабый голос Сиро окреп от волнения. — И учитель поедет с нами! Правда ведь?

А-Эр ничего не ответил, лишь тепло улыбнулся и потрепал ребят по волосам. Мальчишки приняли эту ласку за безмолвное согласие.

Увлечённые разговором, они не замечали, что у хлипкой стены хижины, прильнув глазом к щели в досках, замерла соседка. Женщина беззвучно дрожала от неопишуемого ужаса, глядя на черноволосого, сереброглазого А-Эра.

<http://bllate.org/book/18335/1760504>